

ТЮНДЕ САБО
(Печ, Венгрия)

The Companion to Juri Lotman. A Semiotic Theory of Culture
(Edited by Marek Tamm & Peeter Torop. Bloomsbury Academic, London,
2022. – 528 pp.)

Рецензируемая книга была опубликована к юбилею Ю.М. Лотмана, «одного из наиболее оригинальных и плодотворных теоретиков культуры и историков литературы второй половины XX века» (стр. 1).¹ Сборник статей *The Companion...* является первой попыткой представить интеллектуальное наследие ученого, его концепцию о семиосфере системно и междисциплинарно на английском языке. Язык и место издания имеют особое значение, поскольку восприятие работ Лотмана в англоязычном мире было сложное и амбивалентное, отчасти именно из-за запаздывающих переводов.

Сборник содержит 35 статей, полную библиографию работ Лотмана, переведенных на английский язык, а также список англоязычной литературы о нем. Состав авторов авторитарный. В сборнике участвуют 43 специалиста из разных отраслей гуманитарных, общественных и естественных наук 13 стран. Структура сборника и статей прозрачна и строго выдержана. Все статьи примерно одинакового объема и включают обширный список литературы. В каждой из них четко определены цель исследования и его итоги, а изложение разделено на части с помощью подназваний, что значительно облегчает восприятие текстов, осмысляющих в основном теоретические проблемы.

Кроме «Предисловия» и обзорной статьи о жизни и творчестве Лотмана, книга разделена на три больших раздела. Первый раздел под названием «Лотман в контексте» составляют статьи, посвященные тем исследователям и направлениям, которые оказали основополагающее влияние на научное мышление Лотмана. Во втором разделе «Лотман в концептах» рассматриваются основные концепты семиосферы. В третьем разделе «Лотман в диалоге» раскрываются области, в которых уже активно используются или потенциально могут быть использованы идеи, положенные в основу концепции семиосферы.

Тема первого раздела обоснована в «Предисловии» тем, что для Лотмана «начиная с его первых научных трудов „контекст” был важным концептуальным ресурсом и одновременно одним из главных объектов

¹ Цитаты из сборника здесь и в дальнейшем даются в моем переводе – Т.С.

исследования» (стр. 3). В этом разделе выделяются четыре источника основных идей и методологии ученого. Это, во-первых, структурная лингвистика и семиология Ф. де Соссюра, элементы идеи которого в той или иной мере проявляются во всем творчестве Лотмана. Согласно утверждению автора статьи, посвященной этой теме, Лотман в своих размышлениях о знаках из двух «отцов» семиотики – Ф. де Соссюра и Ч.С. Пирса – отдавал явное предпочтение системному подходу Соссюра и опирался на его же соображения при разработке концепта «текст».

Второй источник – это представители русской формальной школы. Автор статьи об отношении Лотмана к формалистам утверждает, что Лотман актуализировал их наследие, а также учения своих бывших преподавателей в Ленинградском университете как ответ на методологический кризис в литературоведении 60-х годов XX века, и формировал собственную концепцию на стыке «динамической модели Ю. Тынянова и механистической В. Шкловского» (стр. 53).

Отдельная статья посвящена взаимоотношению научной деятельности Лотмана и Р. Якобсона – третьего источника формирования концепции о культуре и семиосфере. Известная коммуникативная модель Якобсона оказала большое влияние на восприятие Лотманом культуры. Он впоследствии переработал эту модель и на ее основе развил идею об автокоммуникации как одной из наиболее важных функций человеческой культуры.

В меньшей мере поддается описанию отношение Лотмана к четвертому источнику, выделенному в первом разделе – творчеству М. Бахтина. Бахтин и Лотман – две знаковых фигуры гуманитарных наук второй половины XX века были скорее антиподами, несмотря на то, что – как утверждает автором статьи – Лотман пытался переводить на свой язык идеи Бахтина. Их отношения к категориям времени и пространства в статье получают интересное, но несколько сомнительное объяснение, основанное непосредственно на определенных моментах биографий двух ученых.

Первый раздел завершается двумя работами, рассматривающими непосредственные микро- и макроконтексты научной деятельности Лотмана. Первая из них фокусируется на Тартуско-московской школе² как академическом и историческом феномене. В ней подчеркивается парадоксальный характер этой школы: именно отсутствие общей методологии, разнообразие метаязыков и объектов исследования обеспечивали почву для диалога между участниками и служили «унифицирующим фактором» для школы (стр. 91). Во второй работе научная деятельность Лотмана рассматривается с точки зрения транснациональных трансферов научной мысли, пересекающих всевозможные границы идентификаций, как наци-

² Данная версия названия (вместо «Московско-тартуской школы») подчеркивает огромную роль Тарту и Тартуского университета в развитии научной деятельности Лотмана и формировании всей школы.

ональных, так и научных. В таком ракурсе до сих пор недооцененная роль Тартуско-московской школы в «синтезе Западной и Восточной традиций» становится несомненной (стр. 113).

Если в первом разделе сборника рассматриваются тот современный контекст и та традиция, с которыми сам Лотман вступал в диалог, то в третьем разделе «Лотман в диалоге» помещены статьи о тех научных отраслях и направлениях, которые уже вступили, или могут быть вовлечены в диалог с лотмановским наследием. Работы, включенные в этот раздел, отражают разные степени «диалога», поскольку, как предупреждают составители в «Предисловии» к сборнику, «мы должны различать актуальное и потенциальное воздействие Лотмана на современные исследования» (стр. 9).

Так, являясь не только теоретиком, но и историком культуры, Лотман своими исследованиями заложил основы современной культурологии. В ней наиболее перспективными оказались, как утверждает в статье No. 25, «поэтика повседневного поведения» и концепция «театральности», позволяющие говорить о «поведенческом тексте» (стр. 338). Лотман безусловно оказал огромное влияние и на русскую филологию. Его методологические соображения – среди прочих, «динамика порождения смысла» в художественных текстах (стр. 356), «креативная открытость» произведений или «креативный характер трансгрессии» (стр. 358) – активно используются в общем литературоведении (см. статью No. 26), но в связи с современной ему «Французской теорией» можно говорить только «о некоторых похожих моментах и также о существенных различиях в их главных интеллектуальных позициях» (статья No. 23, стр. 313). И если работы Лотмана 70-х и 80-х годов содержат несколько ссылок на труды французских теоретиков, то говорить о прямом диалоге с «деконструкцией» (статья No. 24), с «новым историзмом» (статья No. 27) или «с британской культурологией» (статья No. 30) невозможно. В работах, посвященных этим направлениям, делается попытка сравнить их с лотмановской концепцией и указать на соприкосновения идей и на сходные моменты – то есть, диалог состоится лишь на уровне метаязыка авторов статей.

Остальные работы третьего раздела относятся к более далеким, на первый взгляд, от лотмановских исследований научным направлениям, но в которых, тем не менее, заложены или могут быть применены идеи ученого. Это исследования памяти (статья No. 28); политическая теория (статья No. 29); изучение массовой культуры, масс- и социальных медиа (статьи No. 31, 32, 33); науки о жизни и когнитивная нейробиология (статьи No. 34, 35). В статьях, посвященных этим отраслям науки, показано, каким образом могут быть применены определенные категории семиосферы – чаще всего, «динамика», «граница», «символ», «непереводимость» – к новым явлениям человеческой культуры и также к естественным наукам, которые в свое время также послужили источником для лотмановской концепции.

Среди этих работ заслуживает особого внимания статья, в которой рассматривается отношение политической теории к концепции о семиосфере. Несмотря на то, что Лотман и его коллеги пытались создать аполитичное научное направление и избегали любой идеологической манифестации, оказывается, что многие из лотмановских категорий могут быть использованы для концептуализации явлений политической жизни и сферы власти. Согласно формулировке авторов этой статьи, «связь семиотики и политической теории способствует подходу к властным отношениям как к сфере производства, коммуникации и распределения знаков» (стр. 390).

Во втором большом разделе сборника рассматриваются такие основные концепты семиосферы, как «Язык», «Текст», Культура», «Коммуникация», «Моделирование», «Наррация», «Пространство», «Символ», «Образ», «Память», «История», «Биография», «Власть», «Взрыв» и «Семиосфера».³

Выделение и отдельный анализ концептов, однако, кажется нам не вполне удачным подходом к лотмановской концепции. Главная причина этого указана уже в «Предисловии» к сборнику: «В работе семиотизации Лотман был по-настоящему системным и всеохватывающим. Он, однако, не ставил перед собой цель создать формализованный метаязык или развить собственную концептуальную систему. У семиотики Лотмана есть собственный метод, но почти нет терминологии» (стр. 6). На отсутствие четкой терминологии также указывается в нескольких работах второго раздела. Как утверждает автор статьи No. 11, «лотмановские концепты коммуникации и автокоммуникации неотделимы от его других ключевых концептов, в том числе языка, диалога, культуры, перевода и семиосферы. Часто эти концепты определены как коммуникация и *vice versa*» (стр. 161).

Другая причина сложности осмысления отдельных концептов лотмановской семиосферы упомянута в статье No. 10. Ее автор обращает внимание на то, что основные категории семиосферы присутствуют уже в ранних работах Лотмана, они эволюционируют, поэтому при их осмыслении неизбежен учет хронологического фактора (стр. 149). В этой же работе названа еще одна причина – целостность исследований Лотмана. В связи с этим в статье No. 1 прямо говорится о том, что «работы Лотмана в этот последний период [жизни] можно сравнить с одним единым текстом...» (27) – что кажется релевантным для всего творчества ученого.

И если исходить из характера моделирования, как его понимал Лотман, из «схожести модели и моделируемого объекта» (статья No. 12, стр. 177), то во втором разделе несколько нарушен именно системный подход, основной для всего творчества Лотмана. Статьи раздела свидетельствуют о том, что осмыслить отдельные концепты семиосферы в отрыве от

³ Этот подбор, конечно, отражает и точку зрения составителей. Можно, например поставить вопрос о выборе категорий «наррация» и «власть», или указать на отсутствие категорий «дискретное–континуальное» или «перевод».

других невозможно. Об этом говорят, во-первых, многочисленные повторы в статьях.⁴ Во-вторых, поскольку в каждой работе акцент ставится на одной из категорий системы, тем самым целостность системы, ее структура и пропорции могут подвергаться невольным искажениям. Тем более, что отдельное осмысление концептов, в-третьих, не отражает ни их иерархическую (или неиерархическую) взаимосвязь, ни тот, подчеркнутый в «Предисловии» факт, что «для лотмановской семиотики культуры имело большое значение описание одного и того же явления одновременно и как часть, и как целое; как знак и система знаков; как ограниченное, структурированное и нечто аморфное с размытыми границами» (стр. 6).

Решить эти проблемы в коллективном труде, наверно, невозможно в силу комплексности изучаемого материала и также разнообразия точек зрения и подходов к нему. Тем не менее, статьи, включенные во второй раздел, все без исключения теоретически обоснованы на высоком уровне, насыщены богатым фактическим материалом, и поэтому хорошо ориентируют читателя в отдельных вопросах.

А в итоге, *The Companion...* как семиотическое целое отлично демонстрирует основные принципы работы семиосферы. Каждая статья представляет собой особый «текст» с четко обозначенными границами и собственным языком – подсистему сборника как целого. Статьи являются на самом деле «переводами» «текстов» (идей) Лотмана, и при переводе – в диалоге двух/нескольких систем и двух/нескольких языков – рождается новый смысл, новое (и более глубокое) понимание наследия Лотмана. Границы статей, как любая семиотическая граница, являются проницаемыми, о чем свидетельствуют многочисленные общие моменты и созвучия в изложениях, а также некоторые сдвиги в использовании оригинальных терминов Лотмана. В сборнике тексты Лотмана, дискретные (и метаязычные) по отношению к континуальности изучаемых им явлений, превращаются в континуальный материал, на основе которого созданы дискретные статьи с особыми метаязыками. Сборник, объединяющий эти статьи в определенную структуру и создающий сферу для их полилога, сам является сложной семиотической системой, производящей, хранящей и распространяющей богатый контингент информации, и представляющей собой новый «текст», новую подсистему семиосферы.

К его восприятию рекомендуется продвинутый уровень в изучении наследия Ю.М. Лотмана.

⁴ Некоторые созвучия общего характера отмечены в текстах и составителями.